

А.В. Губарев

ФАНТ

Рассказ

16+

Алексей Губарев

Фант

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Губарев А. В.

Фант / А. В. Губарев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Динамичный современный детектив. Деньги, стрельба, кровь. Доставит радость читателю.

Алексей Губарев

Фант

Весна, нагуляв тепла, только-только вступила в ту пору, когда любому, даже самому прожженному грешнику, умирать как-то неуместно, что ли. В улицах беспечно цвикали пичуги. Кругом вовсю зеленела трава, среди которой вспыхнуло золото редких одуванов. Некоторые ветки на кустах пустили лист. Конвойным солнце до красна нажгло шеи, а небо манило бескрайней голубизною, редкий раз упирая взор в молочные букли облаков с золотистой по низу каймой. Зори стали насыщеннее, а ветер ласковей. Погода устоялась, и лето было не за горами.

Между тем, в сырой камере тюрьмы на угловых нарах, что у маленького окошка, более предназначением бойницы, старый вор Дыка, из неведомой прихоти, а скорее по несуразности своего характера, придумал нестати пошутить. Вор внезапно серьезно заболел и из той причины медленно отходил в мир иной. По годам для подобной затеи матерому уголовнику было, в общем-то, рановато, если бы не дурацкий случай. И как знать, как бы оно покатило, не ввяжись он в скоротечную жестокую свару с поножовщиной неделей ранее.

Зона давно была искусственно поделена на красный и черный сектора. Так начальству было проще "держать в лагере порядок". Но системный раскол имел и отрицательную сторону. Гнойник конфликта зрел давно. Ни одна из противопоставленных стараниями управы сторона не желала уступать и безудержно рвалась прибрать к рукам власть.

Затеяли драку «красные» во время очередной прогулки. Скоро год, как «черные», пользуясь слабохарактерностью недавно назначенного смотрителя, бессовестно кутили, отчего окончательно разболтались и, как говорится, приспустили вожжи. Сексоты не преминули воспользоваться безответственной прорехой в поведении бандитов, чтобы сыграть на этом и окончательно установить в лагере свое господство. Дрались коротко, но свирепо. Благо охранка вовремя очухалась и подняла тревогу. Набежавший караул автоматными очередями принудил свару повалиться ничком на бетон.

Погибших было трое, а вот порезанных оказалось достаточно. Одному даже выкололи глаз. Гнетущая атмосфера над зоной распластала свои траурные крылья.

"Разбор полетов" не заставил себя ждать. Прижим был таков, что над лагерем нависла густая тишина. Начались бесконечные проверки и допросы с пристрастием. Озверевшая охрана безостановочно пускала в ход кулаки. Лазарет был переполнен. Выбитые зубы и переломы ребер в счет не шли. С этой безделицей драчуны справлялись самостоятельно, зализывая в камерах раны с помощью подручных средств, а также состраданием и советами товарищей. Легко раненные, заточённые в качестве наказания в промозглые и насыщенно пахнущие смесью хлорки и плесени «аквариумы», теперь вынужденно соблюдали пост и от души забавлялись непроглядной скукою.

Дыку подвели собственные ноги. Его возраст ступил в ту пору, когда годы начинают давать знать о себе с неудобной стороны. Всегда ухоженные ступни, которые на воле признавали только изделия из натуральной кожи, и на которых обувь всегда сидела плотно, последнее время ныли, отчего Дыка вынужденно подбирал казенные шузы размером больше. Из-за хля-

бающих ботинок во время поножовщины он запнулся и, неустоявшего на ногах "авторитета", в кровавой суматохе здорово пнули под правый бок. Вор слёг.

Конечно, за неджентльменский поступок, посягнувшего на права лежащего «черные» поклялись вычислить и покарать. «Посадить на пику» подлую душу – дело чести. Судьба обидчика Дыку не очень волновала. Старик знал, что приговор при любом раскладе в исполнение приведён будет; по его разумению, каждый оступившийся должен отвечать за свои проступки – собственно, сама его масть не позволит мазурику остаться безнаказанным. Но случайному бросалось в глаза, что больной заметно отрешен и чем-то всерьез озабочен. Дыка явно мусолил думку.

Занять койку в лазарете «бубновый» наотрез отказался, и тюремный лекарь навещал пострадавшего в камере. В первый же осмотр опытный медик констатировал любопытным разрыв печени у капризного пациента, сказав: – Тут, братцы, пятьдесят на не совсем пятьдесят. Оперировать бесполезно. Нет условий. Потому именно в этом случае всё зависит от Бога. После чего вынул из кармана и положил на тумбочку две упаковки «Но-Шпы».

– Всё чем могу, так сказать, – небрежно обронил верноподданный Панакеи и удалился в медпункт, бросив через плечо – достаньте больному трав, пусть попьет.

Если обернуться к портрету вора, всякий бы не нашел в Дыке ничего особенного и уж тем более не определил бы в нем закоренелого законоотступника. Любой быстрее бы признал в небольшого роста, стареющем человеке с пепельными волосами и светло голубыми глазами, может излишне цепкими, но никак не жестокими, обычного среднестатистического славянина. И при встрече непременно подумал бы, что старик некоторым образом причастен к строительной части или складскому учету. Хотя из неполных шестидесяти Дыка семнадцать лет провел в тюрьме, и не раз пускал в ход самодельный стилет с дорогой наборной рукоятью, криминальное в нём никак себя не выдавало. Углядеть в нем эту сторону не представлялось возможным, а неброская татуировка на безымянном пальце левой руки – так подобного пруд-пруди в любой забегаловке. Впрочем, манера составлять при беседе предложения, излишняя осторожность в высказываниях и тщательный подбор слов сведущему человеку могли дать наводку кто находится перед ним, но только уж очень сведущему.

2. Четырнадцатиподъездная высотка, увешанная по периметру камерами видеонаблюдения через каждые десять метров, в первом этаже которой разместился расчетно-кассовый центр, жарилась на июньском солнцепеке после затяжных дождей. Лужи, на целую неделю оттеснившие прохожих сначала к самому краю цветочных клумб, а позже заставившие забираться некоторых чистюль и на тротуарные бордюры, постепенно высыхали, оставляя охряные пятна высыхающей грязи. Казалось, дом вернулся к обычной суетной жизни со стороны проспекта и грустной тишине по другую его сторону – на дворовой половине, нарушаемой по утрам грохотом мусорных баков, а по вечерам визгливой детворой. Никому и голову не пришло, что под зданием развернулось какое-то тайное действие, маховик которого набирал обороты.

Вторая ночь в подвале прошла значительно лучше первой. Хоть первую вспоминать не хотелось, мысленно нет-нет Фант обращался к ней. Теперь его смешил странный неуклюжий наряд из двух шифоньерных зеркал, так старательно созданный Маклером. Эту хрупкую конструкцию промокшему до нитки и на пронизывающем ветру Фанту пришлось волочить на себе метров двести. На пустырь в заросли черемухи изделие приволок Уська. Наряжали Фанта

там же. Затем Маклер сделал контрольную вылазку, и, убедившись, что случайных прохожих нет, велел выбираться из укрытия. Проволочный корсет оказался хлипким и плохо справлялся с возложенными на него обязанностями. При изготовлении самоделки по незнанию аэродинамику в расчет не взяли. Подвело отсутствие опыта. Порывы ветра раскачивали зеркала так, что они легко могли разлететься вдребезги, не удерживай их. Поэтому слева Фанта в одно зеркало вцепился Уська, справа – в другое – собственной персоной Маклер. Закоренелый уголовником чувствовал поживу и, на правах старшего, отвечая за операцию, относился к предприятию более чем ответственно. Не менее смешно было бы увидеть со стороны, как старательный кортеж изображает "крепко надравшихся" товарищей.

Видя упорство и усердие Маклера при создании "технического чуда", Фант всё же несколько сомневался в правильности избранного пути. Тем не менее, созданный потугами бандита "маскарад" оказался эффективным. Сонный охранник, хоть и заметил движение и плавающие блики на мутном экране одной из камер, все же опасности в этом не обнаружил. Он мельком посмотрел на размытое изображение двух пьяных идиотов, шляющихся в такую погоду, и спокойно уткнулся в телевизор. Зеркала надежно укрыли третьего в перламутровых отсветах извивающихся водяных струй.

Пока Уська усердно справлял малую нужду, уткнувшись лбом в стену, а Маклер терпеливо удерживал зеркала, Фант, встав на четвереньки, убедился, что образованный сточною водой зев подходящ размером, и довольно споро скользнул в подвал. Через мгновение он был в крошечной темноте. Вслед за исчезнувшим поделником Маклер ногою протолкнул в дыру заготовленный вещмешок с провиантом и инструментом, который, шмякнувшись в образовавшуюся у внутренней стороны стены лужу, окатил холодными брызгами Фанта. Впрочем, это не отразилось на настроении «арестанта по несчастью», которое и так было «не в качели». Густой запах затхлости, шибанувший в нос, тут же напомнил тюремный барак.

– Эй, харэ придураться, сваливаем – услышал он, как рыкнул Маклер на Уську. Уська на ходу что-то буркнул в ответ, но удаляющиеся слова поглотил шум дождя.

Не теряя времени, Фант достал фонарик и осмотрелся. Первое что он сделал, это подхватил из лужи рюкзак и надежно его припрятал, найдя подходящую щель в третьем от места высадки помещении. После чего пристроился где посуше и стал ждать. Время текло медленно. Воцарившийся покой нарушало далекое журчание воды, завывание ветра, редкий грохот в канализационных трубах и шныряющие наглые крысы.

– И дернул же меня леший связаться, – чертыхался Фант, – Ну что стоило смяться от этих идиотов. В конце концов, почему не забуриться бы в забытую Богом деревушку. Обработывай в своё удовольствие землю, со временем и баба подыщется... Россия большая и потаенных мест хоть отбавляй, а сыскать «маруху» для проживания вовсе труда не составляет. Жизни найти не хватит жаждущего схорониться в глубинке. А хоть и останься. Они бы всё одно ничего мне не сделали. Даже если бы всей кодлой навалились, вряд ли вышло бы по-ихнему. Уська – ничтожество и трус. С этим всё яснее ясного и в расчет его можно не брать. Этот даже исподтишка пакость заботится сотворить. Одним словом, еврей. Даже странно, почему он оказался на зоне. Вроде евреям там не место совсем. Если только он из ненужных или нищих-пренищих...

Заноза крепко запомнил тот удар в печень. Сам виноват, нечего было цепляться. Видно он решил, что я из тех, кого легко покалечить. А я уже наслышан был о его "подвигах", порасказали за этого убудка. Потому и приготовился. А он зло затаил за свое унижение. Сука еще

та! Но это не значит, что я позволю застать себя врасплох. Хоть зазлись, а со мной не прокатит. Тот раз в ответ на твою забаву я тоже только позабавился. А случись по серьезному, ни секунды не дам тебе, зная навыворот твою сущность волчьей. Так-то, дружок.

Что касается Рейсфеди. Этот силен до дураков, что косолапый. Чего не отнять, того не отнять. Но удар не держит.

Остается Маклер. Да-а, этот по натуре сволочуга. Маклер, не так хитер, как подл и осторожен. Хитрость евошня вся, как на духу, а сподлить исподтишка он сможет. Это досадно. Как бы не промучать коварный выпад. Здесь чуйка нужна особенная. А вот дышалка у головореза ни к черту. Минуту потискай и обмякнет...

Господи, зачем же я ввязался и пошел на дело? Ведь совсем не хотел. Не для меня такое. К чему так некстати этот ненужный риск? Только ведь на волю вышел. Не алчность ли причиной? Хорошо пожить-то каждый желает, но алчность вряд ли тут значением. Не так и плохо большинству от зарплаты до зарплаты коротать век. Ведь живут же людишки, радуются малому. Что бы среди них не обустроиться? До этого же как-то перебивался. И спокойнее намного. Вот и о деревеньке пару минут назад подумывал... А, может любопытство меня гонит в ад? Не желание ли разгадать Дыкину загадочку? – размышляя таким образом, Фант задремал. А вскоре его сморил короткий глубокий сон.

Через пару часов Фант проснулся от того, что замерз и понял – первый пункт операции прошел успешно, хотя на случай появления в подвале полиции была заготовлена легенда: мол, встал помочиться да спьяну угодил в промоину, поскользнувшись. Фант был трезв, но боковой карман предусмотрительно оттопыривал стопятидесятиграммовый флакон коньяка – так, на всякое пожарное алиби.

Уже через полчаса после этого на трубах подачи горячей воды Фант развесил отсыревшую одежду, переодевшись в, заранее припасенную, "сменку". А спустя еще три часа, принялся налаживать скромный быт. С трудом, но ему удалось найти скрытную нишу и на изгибе труб отопительной системы соорудить временное лежбище. К тому времени, как погода наладилась, Фант основательно обжился в подвале. В хитросплетениях бетонных переборок он арендовал сносный сухой пяточок, а в одном из помещений обнаружилась искусственная нора, куда можно было в случае тревоги на время надежно спрятаться и отсидеться. Донимали блохи и всепроникающая вонь. Поэтому Фант выбросил на улицу записку с просьбой раздобыть средство от блох, снабдить питьевой водой и запасным комплектом хороших батареек к фонарику.

Маклер, прочитав записку, давно так не ржал.

– Во бля, попал котяра! Падла буду, Рейсфедя, если сожрут блохи нашего «Дымка», разбираться с ними полезешь ты, потому как дело тебе придется довершать. Представляю, как ты насекомым бошки сворачивать там будешь – восклицал он, давясь от смеха. Но на следующий же день просьбу "каторжанина", как за глаза называл Фанта, выполнил.

3. К своему образу жизни вор Дыка относился философски. Раз уж на роду написано, к чему противиться – было его любимой отговоркой. Детство его было обычным для ребенка из трущоб русской глубинки. Живописная окраина провинциального городка, одарившая местную босоту веселым детством. В одном из проулочков – разрушающийся покосившийся домик

с текущей в коридоре крышею. Щелястый сортир с дверью на одной петле. Жалкий забор из выветренного серого штакетника со скрипучей калиткою. Уставшая мама, за копейки работающая дворником. Бабушка – инвалид. Бесцельное шатание по пустырям и свалкам с такими же голодранцами. Неиссякающее чувство хронического недоедания. Луки, рогатки, выдавший виды и с восьмеркой в заднем колесе и шлангами вместо камер велосипед, синяки, заработанные в дворовых драках. Тройки в школе и полное непонимание к чему учить ненавистный немецкий язык, если деда убили фрицы.

Первый раз на тюрьму Дыка загремел по малолетству. Искушение насладиться деликатесами и хоть на мгновение вырваться из нищеты было так велико, что он, не задумываясь, вместе с друзьями забрался в районный гастроном. Полукопченая колбаса, от запаха которой кружило голову, и, которую в тот раз он не жевал, а, давась от жадности, проглатывал кусками, обошлась мальчугану в три года колонии для малолетних. И долгие маменькины слёзы. То короткое удовольствие и вслед материнское горе на всю жизнь отпечатались в памяти раннего юноши.

Коммунистическая партия благосклонно прощала себе умение жировать за счет народа, с уважением относилась и зачастую самолично участвовала в крупных мошенничествах и аферах, снисходительно прощала многомиллионному населению поголовную нищету, но не прощала мелкого воровства. Голодный обыватель имел право добросовестно и не покладая рук трудиться на благо страны, а вот на подобное деяние даже от безысходности закон прав не предусматривал.

В зоне на невзрачного, но любознательного и сентиментального паренька нашелся «учитель». Он распознал в нем мятежный дух и нестигаемую волю, потому и приобщил жилистого юношу к чтению. Книжки же, в особенности историческая их часть литературы, сначала пробудили в новоявленном зеке протест, а позже и укрепили в сознании, что любая власть в государстве более преступна в своей сути, чем распоследний кровожадный урка.

Вор же с политическим убеждением, со своим взглядом на жизнь, будучи идеологически подкованным "правдурбом" может, а порой и представляет серьезную угрозу власти. Поэтому довольно скоро Дыку взяли на заметку спецслужбы, и жизнь его с этого времени утратила сочность. Законоотступнику еще не было двадцати трех и статьи его не имели особого веса, а он уже числился в особо опасных рецидивистах. И это противостояние с системой наложило определенный отпечаток. Нет, захватывающих душу эпизодов было предостаточно. Вызывающие ахи женщин, ослепительные кутежи, недолгие промежутки сладкой воли и «торч» на блатхатах, жестокие драки, стряпня темных делишек, облавы и прочее довольно полакомили воровское сердце. Но даже эти яркие события не могли изменить общего черно-белого фона. Жизнь этого человека была схожа с тундрой – полыхнет в краткую весну ослепительным цветом трав и тут же надолго погрузится в холод и безжизненные снега.

4. Подземную часть работы Фант начал с того, что из подобранных кусков асфальта и подручного материала, как мог, заделал довольно нескромно зияющую промоину, оставив лишь едва приметный просвет, достаточный для связи с "бригадой" и редких передач. Когда это было сделано, он приступил к выполнению основной задачи. Нужная плита нашлась быстро. Проблема крылась в ином. Как и говорил авторитетный покойник, кладка в "быках" оказалась рыхлой. Но вопреки ожиданиям, именно под этой плитой "быки" оказались идеальными, с точки зрения строительства. Раствор кладки блестел, как стекло и был так тверд, что

мог соревноваться с алмазом. Даже удары резиновым молотком издавали настолько резкий и громкий звук, что использовать этот инструмент не представлялось возможным. Больших трудов стоило соорудить и подставку для первого домкрата. Подвал оказался в прямом смысле слова вылизан ретивыми коммунащиками. Но Фант не унывал.

Более того, с первых минут он думал, что неплохо иметь про запас возможность красиво слинять. Потайной лаз ему очень пришелся бы к месту. И судьба улыбнулась. Канализационные трубы в середине дома уходили между фундаментными блоками куда-то в сторону. Пространство было заделано наспех. Кладка в полкирпича оказалась «слабой» и разобрать ее не составило особого труда. Внутри оказалась глина вперемежку с мусором. В пару суток Фант расчистил проход, за которым оказался тесный проход. Этот лаз, длиною в десятка два метров вел прямохонько в уличный канализационный колодец. В одну из ночей Фант, пробравшись туда, осторожно приподнял чугунный люк и увидел двор четырнадцатietàжки. Путь случайного отступления был готов и, на счастье, вряд ли кому известен. Это обрадовало и очень обнадежило Фанта. Счастливый, он замаскировал лаз и вернулся к основной работе.

В принципе он предвидел, что подвал может оказаться прибранным, поэтому и надевал из каленого полотна двуручной пилы пяток надежных скребков. Зона многому учит, и не избытком свободного времени, а неистребимым желанием скорой воли. Потому именно за колючей проволокой и выдумывается замысловатый инструмент, способный любую преграду взять, любую охрану одолеть.

Поначалу работа ладилась. С первым кирпичом Фант справился довольно быстро. Но, чтобы кладка стала разбираться, требовалось извлечь именно тот кирпич, который уходил поперёк вглубь кладки, а работнику выказывал лишь торец, как бы дразнясь. А извлечь его нужно только целым. Останется внутри часть, пиши пропало. Еще суток трое шкрябать швы между кирпичей придется. Тут-то и пришлось основательно попотеть. Но и вода камень точит, а уж вооруженный даже нехитрой приспособой человек и подавно.

Фант события не торопил и вскоре кирпич сдался. Далее было проще. Второй домкрат он приспособился упирать в стену посредством куска водопроводной трубы и остальные кирпичи просто выдавливал, слегка зачистив периметр. Тем не менее, на разборку "быка" ушла неделя. После работы приходилось восстанавливать кладку, чтобы вдруг нагрянувший сантехник не поднял тревоги.

Второй "бык" Фант решил не разбирать. После тщательного осмотра, он пришел к выводу, что достаточно будет опустить один конец плиты, что даже выгоднее, потому как затруднит доступ из помещения в подвал. В случае провала будет хоть какая-то фора улизнуть от охраны. Да и плита на второй "бык" заходила не более, чем на пару спичечных коробков и потому могла упасть во время разборки «быка».

Дважды работу приходилось сворачивать и таиться в норе. В подвал заглядывали слесаря. Но, благодаря аккуратности Фанта, всё обошлось и две недели спустя Фант выбросил на асфальт очередную маляву, где оповестил Маклера, что дело сделано и все готово к налету. Оставалось только выждать непогоды.

5. Только на пороге смерти Дыка понял, что серое его бытие определила хорошо продуманная и замаскированная спецслужбами изоляция. Раньше он об этом как-то не задумывался.

вался; всё времени не было. А сейчас размышления натолкнули его на эту мысль, и, анализируя минувшее, он, вдруг, понял, что многое не могло случаться само по себе, а было ловко подстроено, как и роковой удар в печень...

От подобных выводов настроение портилось. Выходило, что его крепко надули. От мысли, что можно много лет не подозревая жить по чужому лекалу, так сказать "на поводке" становилось мерзко.

Вся семья Дыки – он да доживающая в одиночестве век одряхлевшая мама. Дети у него, скорее всего, были, но Дыка никогда не интересовался этим, а мимолетные женщины, верно, боялись уведомить весьма значимое имя о попадании в неожиданное неловкое положение. На зоне Дыку обстирывали шныри, на воле – легкие подруги.

Первой ходкой на зоне он обозначился под другой фамилией. Но вскоре после выхода из тюрьмы он вынужденно сменил эту данность. К слову сказать, и повзрослел Дыка после первой ходки, как-то сразу повзрослел. Причина этим изменениям была веская. С малства Дыка гордился прадедушкой, который, будучи коммунистом, погиб в гражданскую войну. И только после зоны Дыка узнал всю неприглядную сторону родословной.

Дернула его нелёгкая после срока посетить захудалую донскую станицу. Тому способствовала заплаканная мать, по прабабушке урожденная Дыкина, из зажиточного казачьего рода, желавшая всеми силами оградить непутевого сына от дружков. Она-то и уговорила отпрыска навестить дальних родственников и пожить немного в отдаленном селении. И все бы ничего, но на беду нашлась гостья – местная говорливая востроглазая старушенция. Оказавшись случайной свидетельницей далеких событий, она, будто в насмешку, выложила Дыке горькую правду о его "героическом" предке. Во время застолья хватили самогону и начались разговоры о жизни, где дошло затронуть и прошлое.

-Тю, та грец с тобою, – встrepенулась разругнявившаяся бабка на скромное упоминание Дыкой о подвигах прадеда, – Кто казав, шо твий прадед був гэрой? Вин такий же гэрой. як с козы балэрина. Казать начистоту, так щэ тот був пакостник твий прадед? Сибирска язва слаще, отсохни мий язык, чи хучь от тута и провалиться минэ на этом самом мисте.

Дыка попытался было возразить, на что бабка как отрубилa: – Казать тоби, дитятко, хто був твий пращур у самом диле? И понесла, понесла...

На деле из её рассказа выходило совсем гадкое и плохо умещалось в неокрепшем сознании парня его прадед – мот и пьяница. Косой сажени в плечах, но с мужичьей смекалкой хитрющий босяк в семнадцатом примкнул к банде зеленых, где был на посылках по хозяйственной части. Состоя в банде, он не упускал возможности пострекотать из "Максима" по "краснопузым", о чем как-то похвастал по пьяной лавочке. Когда же банду разбили, он, уцеливши, рванул на пока еще сытный и теплый Дон. Там, пользуясь неразберихой и понимая, что расклад выпадает в пользу Ильича, ловко утаил прошлое и в образе матроса-балтийца примкнул к большевикам. Руководствуясь принципом, что рыло должно быть поближе к кормушке, он втерся в доверие тыловикам и также "зажигал" по линии войскового снабжения. А несколько спустя, под благовидным предлогом, умудрился стать членом партии. Новоявленный принципиальный революционер повел себя сообразно своей животной натуре. Оборотень с энтузиазмом включился в раскулачивание, и, пользуясь безнаказанностью и вседозволенностью, пошел вразнос, не давая проходу бабам, изгоняя семьи с насиженных мест, избивая до полусмерти

непокорных, а порой и стреляя невинных. – Победителей не судят, – частенько изрекал садист, напиваясь вдрызг.

Почти год верзила безбожно кутил, предаваясь блуду и нагло списывая продовольствие на якобы разбитые беляками обозы, сбывая налево излишки. Там, на Дону, и женился, хамски обрюхатив дочь раскулаченных им же зажиточных казаков Дыкиных. Но, сколько веревочке не вейся...

Бурная деятельность идейного борца внезапно оборвалась в осеннее утро 20-го. Победителей, конечно, не судят, но случается их казнят.

Белоказачий разъезд услышал в степи нестройное пение. На трёх подводах красноармейцы везли провиант одному из кавалерийских эскадронов, что был расквартирован на брошенном хуторе. На первой телеге расположилось четверо в новехоньких буденовках и при оружии. На двух других сидели три бабы и маленькая девочка. Один из бойцов, по всему главный, безмятежно дрых, хорошо уработавшись с очередной селянкой на сеновале, а трое тянули пьяными голосами заунывную песню. Когда казаки окружили обоз, один из пьяных певунов, увидев беляков, попытался выхватить маузер. Этого казаки тут же зарубили. Двух других они стащили с телеги, отвели в балку и застрелили. А разбуженного шумом и ничего не понимающего Дыкиного прадеда, спустя минут пять после расправы над сослуживцами, повесили на ближайшей подходящей акации. О том, кто спящий, разъезду пожалилась одна из баб, не избежавшая грязных лап нахального ленинца. Когда непроставшуюся скотину волокли к петле, тот только мычал и страшно тарасил глаза на импровизированную виселицу. Зарвавшегося вояку казаки вздернули, громко поржав напоследок. Обоз реквизировали, а баб отпустили с миром.

По всему получалось, что заслуженный прадед Дыки никакой не герой, а напротив – приспособленец и негодяй. Некоторое время Дыка не верил злопамятной старухе с противным взглядом. Но, умение сопоставлять редкие сведения и эпизоды, вникая в краткие обрывки белой эмиграции, которые, несмотря на запреты, всё-таки ходили в народе, внимательное слушание станичных баек о лихом времени, подвигло его сделать неутешительный вывод и тут же сменить фамилию из стыда за предка. Дыка очень сильно переживал. – Ну, ладно, этого подлеца повесили. А кто ухитрился выжить? Такие же лжекоммунисты, которые заняли теплые места и умудрились передать их по наследству? – размышлял он, – чему верить-то в этой стране?

От предка-большевика Дыка унаследовал приступы неконтролируемой ярости, а по материнской линии – упрямство и долготерпение. Второй раз зона встретила уже Дыкина и вскоре, упростив, переработала в Дыку.

Были ли у Дыки в крови руки? А Бог его знает. В доступных протоколах этого не засвидетельствовано. Дать же отрицательный ответ я тоже не могу, ибо полагаю, что сыскать настоящего вора без этой малости представляется определенно трудным. Да и не быть жестоким и без свирепого нрава вору высокого полета просто невозможно. Ведь если тебя желают убить, то неловко защищаясь можно запросто и зарезать страждущего. А Дыку убить хотели, и не раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.